

Пластичность и ригидность традиционных этнокультур

ТЮГАШЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Новосибирский государственный университет (Новосибирск), Россия

ПОПКОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), Россия

e-mail: yuripopkov54@mail.ru

Существует множество не только определений культуры, но и ее типологий. Среди них хорошо известными являются типологии на основе дихотомических сопоставлений культур: иранской и кушитской (А.С. Хомяков), аполлонической и дионисийской (Ф. Ницше), аполлоновской и фаустовской (О. Шпенглер), открытой и закрытой (А. Бергсон). Очевидно, что приведенные типологии культур отчасти пересекаются, что позволяет на основе их сопоставления дифференцировать базовые дихотомии.

В отечественной этнологии последнего времени особый интерес представляет концепция локальных и магистральных культур, разработанная членом-корреспондентом Российской академии наук А. В. Головнёвым применительно к архаическим и традиционным обществам. В настоящей статье ставится задача дифференциации локальных и магистральных этнокультур по признаку «открытость / закрытость», как она видится в горизонте концепции А.В. Головнева. Как представляется, такой подход позволяет объяснять образование сложных межэтнических сообществ на основе закрепляемого в традиционной этнокультуре отношения человека к движению.

В типологии А.В. Головнёва магистральная культура характеризуется как кочевническая и осваивающая ресурсы локальных культур (см. табл. 1; таблица составлена нами на основе обобщения идей А. В. Головнева [Головнев, 2012, с. 23]). Это дает основание предполагать, что любая кочевническая культура может характеризоваться как открытая культура. Именно так, на наш взгляд, можно понимать следующее описание экспансии магистральной культуры: «Колонизация — всегда столкновение с новыми обстоятельствами и вызовами. В обстановке контакта происходит взаимодействие технологий, которое приводит к их синтезу и обновлению. При этом работают механизмы адаптаций (и мим-адаптаций), создающих более сложную схему деятельности. Иными словами, технологии не подавляют и не исключают друг друга, а образуют синтетическую технологию нового качества» [Головнев, 2015, с. 37].

Таблица 1

Признаки локальных и магистральных культур
(по А. В. Головневу)

Признаки	Локальная культура	Магистральная культура
Тип человека	Человек-травоядное (собиратель)	Человек-хищник (охотник)
Образ жизни	Оседлость	Кочевничество
Культура	«Возделывает» конкретную эконишу	Синтезирует локальные группы в сети

коммуникаций и сложные сообщества
 Уровень культуры «Нижняя» культура: собиратели,
 промысловики, земледельцы,
 рыболовы, ремесленники «Верхняя» культура: лидеры-посредники
 (военно-политическая, жреческая,
 торговая элита)
 Технологии Бережное отношение к среде, культ родного края; детальность
 знаний и обстоятельность Технологии мобильности,
 посредничества и экспансии
 Осваиваемые
 ресурсы Биоресурсы Социоресурсы
 Адаптация Экоадаптация – освоение
 конкретного биотопа Экосоциоадаптация – освоение социокультурных ресурсов
 локальных культур
 Модель
 безопасности «Кормовая» модель безопасности «Силовая» модель безопасности
 Компетенции Умение выживать, устойчивость Умение побеждать,
 маневренность и эфемерность
 Этничность «Почвенная» микроэтничность Синтетическая макро- и мультиэтничность
 Государственность Номы, города-полисы Магистральные государства, империи

Вместе с тем известно, что ряд кочевых культур по своим установкам были довольно закрытыми. Отмечается антиассимиляционная психология скифов, хуннов и тюркютов, которые строго придерживались своих обычаев и подвергали суровой каре тех, кто заимствовал обычаи оседлых народов, опасных в силу того, что они значительно превышали кочевников по численности [Гасанов, 2013, с. 155].

Как закрытые воспринимались и отдельные магистральные культуры. Например, А.В. Головнев приводит свидетельство Геродота о том, что египтяне не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа [Головнев, 2015, с. 42].

Таким образом, древнеегипетская культура выглядит закрытой. Но при этом она являлась магистральной культурой, ориентированной на Нил как транспортную магистраль [Головнев, 2009, с. 169]. Следовательно, древнеегипетская культура должна была быть экосоциоадаптивной, т.е. в определенной мере открытой. И она действительно было таковой. Но данная ее характеристика относилась не столько к локальным культурам Нижнего Египта, а сколько к Верхнему Египту.

Механизм этнокультурной интеграции локальных культур Египта в одно централизованное речное государство А. Е. Демидчик объясняет периодически возникавшей потребностью в доставке по Нилу продовольственной помощи в номы, пострадавшие от засухи или чрезмерных разливов Нила [Демидчик, 2010]. Государство обеспечивало централизованное принудительное перераспределение излишков продовольствия. Нил также использовался в качестве транспортной магистрали для переброски скота из Верхнего Египта на пастбища в Дельту, поставок деловой древесины, металлов, предметов роскоши. «...Удаленные друга от друга отдельные области Египта обычно нуждались в сильном едином государстве, способном гарантировать доступ к необходимым ресурсам и обеспечить единство Нила как транспортной артерии», – пишет он [Демидчик, 2010, с. 6].

Наиболее нуждающимся регионом был Верхний Египет: «Чтобы выжить, Югу было жизненно необходимо установить контроль над нестрадающим от засух хозяйством Севера» [Демидчик, 2010, с. 9]. Поэтому для преодоления продовольственной уязвимости государства Верхнего Египта не раз вынуждены были насильствен-

но объединять локальные сообщества и обеспечивать контроль за речной магистралью. А поскольку земледельческие локальные сообщества дельты Нила были экономически самодостаточны, то они и культивировали замкнутость, тогда как именно Верхний Египет был носителем магистральной культуры

Российская цивилизация, по А.В. Головнёву, основывалась на трех магистральных этнокультурах – норд-русской, орд-русской и понтийской. Благодаря этому она абсорбировала множество племен и народов. Но при этом даже в настоящее время она является существенно более закрытой, чем западная цивилизация.

Разумеется, А.В. Головнёв подчеркивает, что традиционные локальные и магистральные этнокультуры это всего лишь полярные идеальные типы, между которыми находится широкий диапазон промежуточных состояний культуры [Головнёв, 2009, с. 417]. Наряду с этим изложенные им концептуальные представления позволяют выделить подтипы локальных и магистральных этнокультур.

Признаком, по которым А.В. Головнёв дифференцирует промежуточные состояния, является адаптивность. Человека в целом он характеризует как «сверхадаптивный» вид, способный как к природным мим-адаптациям, так и к перекрестным социальным подражаниям и заимствованиям.

Русскую культуру А.В. Головнёв характеризует как высокоадаптивную, гибкую и устойчивую в переменах. «Магистральная русская культура охватила огромную территорию за счет экосоциальной адаптивности, многообразия и подвижности, – пишет он. – Адаптивность включает навыки освоения различных экониш, приспособление к быстрым социальным переменам, политическим режимам и катаклизмам, религиозным революциям от христианства к коммунизму и назад, а в целом представляет собой ключевое качество и достояние русской культуры» [Головнёв, 2009, с. 424]. Особенно впечатлял его современный опыт российской адаптивности, когда на протяжении жизни одного поколения наблюдалась калейдоскопическая смена образов жизни и мыслей, гражданств и вероисповеданий [Головнёв, 2009, с. 7].

Данную сверхадаптивность А.В. Головнев приписывает прежде всего традиционной локальной славянской культуре. Говоря о ее гибкости, он противопоставляет ей «варяжскую жесткость» [Головнёв, 2009, с. 283]. Это жесткость магистральной культуры. Вместе с тем отдельные магистральные этнокультуры (финикийцев, монголов) характеризуются как гибкие, адаптивные. Так, о Чингис хане он пишет: «Решающим достоинством Темучжина оказалась способность к гибкой адаптации и имитации, разнообразившая спектр его действий (и позднее высокая адаптивность кочевников позволяла им быстро заимствовать все, что попадалось на пути, от стенобитных машин до судопроизводства) [Головнёв, 2009, с. 418].

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, подобно А.С. Хомякову в его типологии иранской и кушитской стихий (см. табл. 2; составлено нами по «Семирамиде» А.С. Хомякова [17]), о пластичности земледельцев («общечеловечность», «восприимчивость» в отношении к «чуждому») и ригидности кочевников («презрение», «гордость»).

Таблица 2.

Характеристика народов иранской и кушитской стихий

Признаки Иранство Кушитство

Народы Евреи, славяне, финны Эфиопы, римляне, кельты, германцы, монголы, турки

Глобальная ориентация Север Юг

Хозяйство Оседло-земледельческое Кочевое

Класс Труженики и купцы Завоеватели

Нрав Кротость Жестокость
 Политика Мироточивая Воинственная
 Политический режим Демократизм Аристократизм
 Социальная общность Братский союз мелких общин Могущественная державность
 Отношение к чуждому Общечеловечность, восприимчивость Презрение
 Отношение к людям Смирение и братолюбие Чувство личной и родовой гордости
 Способ самосохранения Подчинение Упорство
 Тип права Родовые законы Закон меча
 Тотемизм Змее- и драконоборчество Змеепоклонение
 Телеологизм Свобода и вольность Необходимость причин и следствий
 Мышление Прихотливость чувства, страсти
 и воображения Мелочная логическая формальность
 Метод Синтез Анализ
 Устремления Умственное совершенствование Развитие телесной жизни
 Служение Духовное Вещественное
 Онтология Идеализм Материализм и натурализм
 Теология Креационизм Пантеизм и атеизм
 Искусство Музыка и литература Зодчество, ваение и живопись

Таким образом, отдельные локальные и магистральные этнокультуры характеризуются и как гибкие и как жесткие. Для дифференциации соответствующих подтипов представляется возможным ввести представление о пластичных и ригидных этнокультурах. Пластичность / ригидность обычно описывается как свойство темперамента, проявляющееся в легкости и скорости приспособления к изменениям во внешней ситуации. При изменении обстоятельств пластичный человек перестраивает поведение, перенося навык в новые условия, при этом адекватно используя имеющийся чувственный и моторный опыт. Ригидный (от лат. *rigidus* — жесткий, твердый) в изменившихся условиях действует инертно, с опорой на старые модели поведения, с большим трудом меняет свою линию поведения.

Как видим, в типологии А.В. Головнева представляется возможной дифференциация пластичных и ригидных культур. Обычно пластичность культуры ассоциируется с ее открытостью, а ригидность – с закрытостью. Кроме того, сопутствующим является деление культур на адаптивные и адаптирующие [Айрапетян, 2012]. В этом отношении чеченская культура характеризуется как магистральная, ригидная, закрытая и адаптирующая. В противоположность этому традиционная русская культура – вне норд- и орд-русской надстроек – является локальной, пластичной, открытой и адаптивной.

Эволюционно более развитыми качествами являются лабильность, гибкость, определяющие изменчивость и пластичность поведения при колонизации и быстротечных изменениях среды. Ригидность – качество эволюционно более низкого порядка, обеспечивающее базирующееся на инстинктах выживание только в стабильных, неизменных экологических нишах.

Очевидно, что закрытость и ригидность локальной этнокультуры ограничивают возможности ее экспансии. Но такие культуры могут стать магистральными, адаптируясь или адаптируя социоресурсы. Видимо, большего исторического успеха достигают пластичные магистральные культуры, не стремящиеся адаптировать под себя охватываемые локальные культуры.

Список литературы

- Айрапетян С.Г. Концепция общества как адаптивно-адаптирующей системы в воззрениях Э.С. Маркаряна // *Философские науки*. 2012. № 3. С. 146–152.
 Гасанов З.Г. Социально-культурные ценности скифов: древних ашгузов / ишкузов

/ гузов. Астана : ТОО «Prosper Print», 2013. 392 с.

Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Головнёв А.В. Локальные и магистральные культуры Северной Евразии // Человек и Север антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С. 234–237.

Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 592 с.

Демидчик А.Е. К вопросу о территориальном государстве Древнего Египта // Вестник древней истории. 2010. № 1. С. 3–12.

Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Работы по историософии. М. : Моск. фило-соф. фонд ; Медиум, 1994. 590 с.